

М.Г.Кабанов

На исходе войны

4-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. Сформированная под Москвой в декабре 1942 г., она прошла славный боевой путь, удостоена почетного наименования «Овручская», награждена орденами Красного Знамени, Суворова II степени и Богдана Хмельницкого II степени. Принимала участие в операции войск Северо-Западного фронта по ликвидации Демянского плацдарма немцев, участвовала в Курской битве, Черниговско-Припятской, Киевской, Житомирско-Бердичевской, Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской, Яско-Кишиневской, Дебреценской, Будапештской наступательных операциях. В первой половине января 1945 г. вступила на территорию Чехословакии.

Сплошной линии фронта здесь в то время не существовало. Однако покрытая лесом и кустарниками горная местность весьма затрудняла наблюдение и разведку, позволяла противнику, используя многочисленные естественные преграды, ускоренно создавать серьезные очаги сопротивления.

Нередко возникали скоротечные, жаркие, кровопролитные схватки. Не в пример установившейся обороне, когда не было резона гадать, откуда подстерегает опасность, в данной ситуации случалось такое, что иногда в течение нескольких дней не удавалось соприкоснуться с врагом. Это несколько разманичивало, располагало к самоуспокоенности и благодушию. Следующий эпизод служит тому подтверждением.

Преследуя отходящую на исходные позиции группировку немецко-фашистских войск, пытавшихся деблокировать окруженные в Будапеште силы и восстановить оборону по Дунаю, наш полк беспрепятственно занял населенный пункт Малинец, расположенный в долине шириной около километра. Окаймляли ее горные склоны, убранные неглубоким снежным покровом.

Кабанов Михаил Григорьевич в 1942 г. окончил ускоренный курс пулеметно-минометного училища, с февраля 1943 г. по май 1945 г. участвовал в боях на Северо-Западном, Центральном, 1-м и 2-м Украинских фронтах в качестве командира минометного взвода. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II степени, медалями. В послевоенные годы находился на комсомольской и партийной работе, в сельскохозяйственных органах Псковской области.

Вступавшее в поселок войско ожидала теплая, волнующая встреча с собравшимися задолго до его прихода мирными жителями. Освободителям торжественно преподнесли хлеб-соль, их обнимали, целовали, угощали домашними яствами, приглашали к себе на постой. Поселок выглядел чистым, ухоженным, не имел следов пожарами или разрушений. Царящая вокруг непривычная для воинов тишина создавала иллюзию отстраненности от боевых действий.

Как всегда, по инстанциям отдавались приказы и распоряжения об оборудовании позиций, назначении постов и дозоров. Это, конечно же, исполнялось. Но главным силам полка все-таки выпал редкостный жребий провести двое суток в оазисе мирной жизни. Полковая разведка обследовала скрываемые горным ландшафтом окрестности, как бы расширяя горизонты покоя невольно прервавших фронтовую страду солдат. Только на третий день километрах в десяти по долине появился внушительный отряд неприятеля. На рассвете следующего дня он объявился уже в три раза ближе. Полк располагал людскими и материальными ресурсами для успешного ведения боя со значительно превосходящими силами противника. Выгодные рубежи занимали стрелковые батальоны, артиллеристы и минометчики.

С учетом обстановки командный пункт (КП) полка, оборудованный на господствующей высоте, в этот раз сделали одновременно и наблюдательным пунктом (НП) полковой артиллерии. Связисты батареи 120-мм минометов, командиром одного из взводов которой являлся я, вовремя протянули к НП телефонный провод. Туда еще ночью отбыл командир батареи капитан Хомяков. В 9 часов утра раздался треск пулеметных и автоматных очередей, прогремел залп вражеской артиллерии. В сторону противника понеслись и наши первые мины. Дальность стрельбы не превышала 1000 метров, так что до батареи отчетливо доходил гул разрывов.

Ничего из ряда вон выходящего во всем этом не было. Но уже через полчаса почувствовалось, что на правом фланге шум боя стал усиленно нарастать и подозрительно приближаться. Около 10 часов меня позвал к телефону начальник артиллерии полка капитан Тепляков. Озабоченность и тревога сквозили в его распоряжении:

- Отберите четыре-пять надежных ребят, - приказывал он, - вооружите автоматами, выдайте повышенный боезапас и срочно прибудьте на защиту командного пункта.

Выбрать «надежных» труда не составило: ими были практически все номера минометов. Назвал пришедших первыми в голову:

- Мельников, Архипов, Малышев, Иванов, ко мне!

Не прошло и двух-трех минут, а они уже стояли передо мной, знакомые

до каждой родинки на разгоряченных, обветренных лицах, готовые выполнять новую боевую задачу.

Метров двести нам ничто не мешало. Шли быстро, не кланяясь долетающим издали пулям. Неприятно и как-то неловко вспоминать об этом даже теперь: но здесь, а не на командном пункте довелось повстречаться с начартом полка. Растерянный, бледный, он торопливо приказывал и просил:

- Следуйте на КП и, пожалуйста, побыстрее. Там раненый командир полка. Вам поручается вынести его в безопасное место.

Приказ не подлежал обсуждению, хотя была причина задуматься, выразить недоумение. Мы двигались на КП, а мимо нас в противоположную нашему движению сторону спешили оставившие КП начальники полковых служб, бойцы роты автоматчиков, командиры ряда подразделений. Впоследствии стало известно, что при оценке ситуации перед боем был допущен непростительный для многоопытных военных просчет. Зная, что противник подходил единой колонной, и не имея сведений о малейшей угрозе флангам, командование полка, не колеблясь, решило, что с этой колонной и только с нею предстоит иметь дело. Не нашлось довода предположить, что неприятель осмелится частью сил предпринять чрезвычайно сложный в горных условиях обходной маневр. В действительности же произошло то, чего не ожидали.

Гитлеровцы скрытно подобрались к правофланговым подразделениям на узком, примерно 200-метровом участке и, ведя шквальный огонь из автоматов, атаковали наши позиции. В зону действий этой группы противника попал и командный пункт полка. Очевидно, он не был принят за объект, достойный внимания. И потому, что почти не демаскировался на местности, и, главным образом, потому, что по существу не оказал противодействия.

Ошеломленный внезапностью и дерзостью нападения, персонал командного пункта предпочел другим вариантам спасительную возможность воспользоваться близостью кустов и крутизной горного склона. Не ведавший страха в бою командир полка не смог этого предотвратить, поскольку стал жертвой шальной (не иначе, как шальной) пули. В противном случае не остался бы незамеченным, нетронутым раненый офицер в добротной - не по-немецки - зимней одежде и обуви, с иконостасом боевых орденов и небезынтересным объемным планшетом и топографическими военными картами и другими оперативными документами.

При продвижении к находившемуся на нашем пути сахарному заводу мы не могли избежать воздействия разгоравшегося на его территории

ближнего боя, временами вынуждены были ложиться, ползти, совершать короткие перебежки. Возложенная на нас ответственная, святая задача лишила права присоединиться к сражавшимся, подвергаться невостреманному, излишнему риску, да и патроны надлежало всемерно беречь. Лишь в порядке самозащиты по две-три коротких очереди произвели мы по выбегавшим из-за строений серо-зеленым фигурам.

Четверть часа понадобилось нам, чтобы подойти к подъему по крутому откосу скалистой горы, на вершине которой находился КП полка. Сознали, что тропа очень терниста и потребует большого напряжения сил. Но ведь мы были молоды, закалены в длительных боях и походах, друг на друга во всем могли положиться. Цепляясь за камни, сучья и корни, стали карабкаться вверх. Но не успели осилить и сорока шагов, как попали под артобстрел. Огонь, несомненно, велся прицельно, снаряды рвались совсем рядом, то выше, то ниже. К счастью, мы сообразили, что палила не немецкая, а родная, полковая 76-миллиметровая пушка, принявшая лезущих в гору за немцев. Ничего другого не оставалось, как скатиться вниз и, уйдя из поля видимости пушкарей, послать к ним легкого на ногу старшего сержанта Архипова, в нетерпении переждать три-четыре минуты, за которые он, по нашей прикидке, должен был достигнуть орудия. В сократившемся на пятую часть составе одолели повторно и те злополучные сорок метров, и по меньшей мере еще сотни две. Из кустов осмотрели ровную, без растительности площадку и бутрившийся шагах в двадцати бруствер КП.

Было принято решение: сержанту Иванову отойти шагов на тридцать вправо, а старшему сержанту Мельникову - на такое же расстояние влево, чтобы прикрыть меня и младшего сержанта Малышева на пути к КП и обратно. Оба мы разом перебежали к командному пункту. Сразу увидели командира полка. Не лицо, а спину и простоволосую русую голову, бессильно склоненную к стенке траншеи. Резанула по сердцу сочащаяся из затылка кровь, бросилась в глаза валявшаяся неподалеку шапка-ушанка. Прыгнули в траншею, перевернули раненого вверх лицом. Глаза его были закрыты, изо рта вырывались сильные хрипы, на лбу пульсировала небольшая, но пугающе опасная рана. Для удобства выноса белый армейский полушубок на командире пришлось расстегнуть. При этом открылась грудь, украшенная орденами. Среди них выделялся и до сих пор светится в моей памяти серебристый орден Суворова. Взявшись за полы и всячески оберегая голову от ушибов, мы с Малышевым дотащили раненого до кромки кустов и, держа его на руках, ценой больших усилий спустили к подножию горы.

Тут нас догнали задержавшиеся для подстраховки наши сержанты

Где вдвоем, где втроем, а местами и вчетвером, соблюдая предосторожность, перетаскивали мы обмякшее тело от дома к дому, от укрытия к укрытию и к 11 часам доставили на свою батарею. Навстречу нам прибежали товарищи по оружию, а с ними и начарт Тепляков. Он на первых же словах прервал мой доклад, пожал каждому из нас руку, перед лицом батареи объявил благодарность, сказал, что представляет к правительственным наградам. В уложенном на повозку теле командира полка еще теплилась жизнь. Но, к сожалению, рана оказалась смертельной.

Были в этом тяжелом бою и другие утраты. Цифр назвать не могу: доступа к статистике не имел. Скажу одно: с невысокой своей колокольни видел тогда, отчетливее вижу теперь, что далеко не всем потерям того локального боя можно подыскать оправдание.

Тело командира полка спецрейсом военного самолета доставили в г. Нежин. Здесь, в родной украинской земле, обрел вечный покой прошедший невредимым через всю войну и погибший довольно нелепо за три с половиной месяца до ее окончания геройский командир 9-го Фокшанского гвардейского Краснознаменного ордена Суворова воздушно-десантного стрелкового полка гвардии полковник Федор Ермолаевич Пустовгар.

Г.А.Розман

«На здар, на здар!»

Великая Отечественная война для меня закончилась на два дня позже - 11 мая 1945 г. Наш 7-й механизированный корпус в составе 1-го Украинского фронта был направлен на спасение Праги и освобождение Чехословакии от фашистских войск. Еще два дня после провозглашения окончания войны шли ожесточенные сражения в западной части страны. Были и раненные, и убитые, в том числе и во взводе, которым я командовал.

Розман Герман Аронович - доктор физико-математических наук, профессор кафедры физики; в Псковском пединституте работает с 1952 г.

Участвовал в боевых действиях в составе 1-го Украинского фронта, награжден медалями "За освобождение Праги" и "За победу над Германией", за заслуги в подготовке педагогических кадров - медалью имени К.Д. Ушинского.